

УДК 808.2: 801.55=161 (075.8)

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН: В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

© 2011 г.

Г.А. Хайрутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

KGulshat@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.12.2010

Исследуются эстетические ресурсы языковых единиц. Анализируется эстетический потенциал собственных имен, используемых в художественной речи. Представлены результаты сопоставительного изучения русских и татарских топонимов, функционирующих в поэтических произведениях.

Ключевые слова: эстетические ресурсы языковых единиц, собственные имена, топонимы.

Сейчас довольно трудно найти исследование по лингвистическому анализу художественного текста, чтобы в нем не было упомянуто выражение, содержащее термин *эстетика* или *эстетический*. Однако не всегда автор считает необходимым пояснить читателю, какой смысл вкладывается им в названные термины, что отнюдь не способствует четкому функционированию понятийно-терминологического аппарата лингвистики.

Проведенный нами обзор лингвистических работ (В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.И. Донецких, Б.А. Ларина, В.П. Москвина, Л.А. Новикова, А.А. Потебни, В.Н. Черемисиной, Д.Н. Шмелева, Р.О. Якобсона и др.) выявил весьма неоднозначную, пеструю картину мнений по поводу трактовки эстетических ресурсов языковых единиц. Разнообразие теоретических установок и интерпретаций, в ряде случаев их расплывчатость свидетельствуют о сложности и недостаточной изученности данного вопроса.

С нашей точки зрения, наиболее целесообразным является широкое понимание эстетических ресурсов языковых единиц, основу которого составляет концепция эстетического как наиболее общей, фундаментальной категории эстетики. С помощью данной категории обозначается особый духовно-материальный опыт человека, который сводится к специфической системе неутилитарных взаимоотношений субъекта и объекта, в результате чего субъект достигает одной из высших ступеней духовного состояния, катарсиса [1, с. 154–164].

Эстетику языковых единиц следует рассматривать в контексте исследований по лингвистической прагматике прежде всего в связи с фак-

тором адресата. Эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языковых средств, являющихся элементами языка литературного произведения, состоит в том, что читатель в процессе знакомства с данным произведением словесного искусства получает духовное наслаждение, представляющее собой свободное от удовлетворения утилитарных потребностей чувственно-рациональное переживание, главными составляющими которого являются эстетическое удовольствие, игра душевных сил, ощущение радости, полноты бытия. Подобное состояние обусловлено и свойствами самих языковых единиц, и характером их употребления, а именно – новизной, образностью, пластичностью, соотносительностью со всем литературным произведением как целостным эстетическим объектом, способностью наиболее полно и точно воплотить идейно-художественный замысел писателя.

В ходе исследования данной проблемы установлено, что эстетика элементов языковой системы обусловлена комплексом факторов. Среди них важнейшими являются: а) свойства языка как сложной динамической системы («системы систем»); б) закон асимметрии языкового знака; в) национальная специфика языка, определяющая основные принципы моделирования мира в языковом сознании его носителей, способность языковой единицы ассоциироваться с рядами других единиц по критерию семантического или формального сходства; г) внутренние закономерности развития языка (антиномии

говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности); д) диапазон образно-эмоциональных, стилистических ресурсов (потенциальные возможности средств фоностилистики; разнообразие и богатство лексико-фразеологического фонда языка в целом и, в частности, образно-эмоциональных единиц; степень развития, гибкость, пластичность грамматических структур).

Эстетические ресурсы языковых единиц как элементов литературного произведения связаны с непосредственным их участием в отражении общих для всех объектов действительности основных эстетических категорий – прекрасного, возвышенного, трагического, комического; в формировании художественного образа как категории эстетики, характеризующей особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности; в воплощении традиций, обусловленных формой художественной речи, эстетики литературного направления, его жанрового своеобразия, идейно-тематической основы, композиции, индивидуальных качеств стиля писателя.

С точки зрения реализации эстетического потенциала языковых единиц к числу наиболее «востребованных» следует отнести собственные имена, которые принадлежат не только лексическому, но и морфологическому уровню языка, будучи единицами определенного лексико-грамматического класса [2, с. 340]. Предметом исследования в данной статье являются эстетические ресурсы собственных имен, используемых в художественном тексте.

Обратимся вначале к рассмотрению лингвистических особенностей собственных имен, которые получили описание в трудах В.Д. Бондалетова, Е.Ф. Данилиной, Ю.А. Карпенко, Ю.М. Лотмана, В.А. Никонова, Д.И. Руденко, А.В. Суперанской, О.И. Фояковой, Л.М. Щетинина и др. Обобщение результатов их исследований позволяет заключить, что они составляют особую группу языковых единиц благодаря ряду свойств, среди которых основными являются следующие:

- специфичность семантики (ср. отнесение собственных имен к лексически неполноценным словесным знакам в работах А.А. Уфимцевой; сближение данных имен с «эгоцентрическими словами» в теории Д.И. Руденко; рассмотрение их как единиц с семантикой особого типа в исследованиях Т.Н. Кондратьевой, Е.Ф. Данилиной, Ю.А. Карпенко, В.А. Никонова, Л.М. Щетинина);

- способность конденсировать в себе информацию широкого, энциклопедического характера;

- отсутствие включенности в парадигматические отношения синонимии, антонимии и т.п.;

- морфологическая обособленность (с точки зрения категории числа);

- ограниченность включения в процессы деривации;

- отличающий собственные имена от нарицательных существительных набор как языковых, так и речевых функций;

- неперевоидимость, или идиоматичность;

- большая подверженность сознательному регулированию со стороны носителей языка.

В то же время ряд аспектов лингвистического описания собственных имен еще не получил полного, всестороннего освещения. Это касается, в частности, исследования эстетических возможностей онимов при их употреблении в художественной речи.

Одним из перспективных аспектов анализа собственных имен в рамках проблемы эстетических ресурсов языковых единиц является установление возможно более полного перечня стилистических приемов, при использовании которых принимают участие онимы. Как известно, стилистический прием связан с изучением такой важнейшей категории филологического анализа художественного текста, как композиция. Одновременно с этим хотелось бы акцентировать внимание на следующем факте: в соответствии с мнением ряда ученых (см., например: [3, с. 79]) стилистический прием входит в число тех категорий, которые имеют непосредственное отношение к эстетике литературного произведения.

При изучении языка ряда художественных произведений уже проводились наблюдения, касающиеся обозначенного аспекта функционирования собственных имен: описано около четырех десятков приемов, в составе которых используются онимы. Однако более полного перечня приемов, базирующихся на единой классификационной основе, до сих пор нет. Мы решили восполнить этот пробел, задавшись целью составить подобный перечень стилистических приемов, в составе которых применяются собственные имена.

В результате анализа, проведенного с опорой на классификацию В.П. Москвина [4], было выявлено более 70 таких стилистических приемов; это: адноминация, анафора, антономазия, вращение слова, говорящее имя, иконическая номинация, каламбур, контраст, метафора, метонимия, образное сравнение, полиптон, поэтическая этимология, риторический вопрос, сдвиг, текстовая аллюзия, хиазм, эхо-рифма и др.

(полный перечень стилистических приемов см. [5, с. 336–356]).

С нашей точки зрения, интерес также представляет анализ онимов с ориентацией на их классификацию по именуемым объектам [6]. Изучение языка поэтических произведений показало, что самыми значительными по количеству составляющих их единиц являются три группы собственных имен: 1) названия географических объектов, 2) имена реальных денотатов (лиц) и 3) имена вымышленных лиц.

В рамках данной статьи рассмотрим более подробно функционирование топонимов, которые используются в русских поэтических текстах с целью отражения тематической основы произведения и усиления его образности.

В произведениях поэтов XX века чаще всего встречаются топонимы *Россия* (*Русь*, *Росея*) и *Москва*, которые во многих случаях связаны с отражением темы родины. Подтвердим сказанное примерами: *Россия – Родина моя, / Холмы, дубравы и долины, / Грома морей и плеск ручья, / Прими, Россия, слово сына!* (С. Орлов. «Родина»); *Кто Русью рожденный, в Россию влюбленный, / Тот отдал ей сердце и душу свою, / Пред ней, величавой, склоняясь в поклоне, / О ней, о России, я песню пою.* (О. Милявский. «Любите Россию»); *И врагу никогда не добиться, / Чтоб склонилась твоя голова, / Дорогая моя столица, / Золотая моя Москва!* (М. Лисянский. «Моя Москва»); *В старом городе сибирском / Мне жильем была изба... / А в Москве, в соседстве близком / С небом, – вся моя судьба.* (М. Скуратов. «На Верхотурье»). Имея в виду первый из названных топонимов, следует заметить, что он, как правило, используется в двух своих основных фонетических вариантах *Россия* и *Русь*. Оним *Русь*, ввиду его определенной культурно-исторической коннотации, нередко употребляется в качестве старинного названия русского государства в период его первоначального становления. Данный коннотативный элемент значения топонима реализуется, например, при его метонимическом использовании в стихотворении С. Городецкого «На братских могилах»: *Не счесть палачами убитых, / Исхитренных пыток в плену! / «Молился о грешных нас, мученик!» – / Сказала бы Русь в старину.* Однако в значительной части примеров употребление топонимов *Россия* и *Русь* не предполагает их противопоставления или какого-либо акцентирования элементов их семантики, они выступают как синонимичные

варианты, например: *Русь моя, Россия, дом, земля и мать! / Ты для новобрачного – свадебная скатерть, / Для младенца – колыбель, для юного хмель, / Для скитальца – посох, пристань и постель...* (Арс. Тарковский. «Русь моя, Россия, дом, земля и мать...»); *Они несут знамена боевые, / Благоговейно осеняют Русь, / Они клялись беречь тебя, Россия, / И я под их знаменами клянусь!* (А. Прокофьев. «Мне о России надо говорить...»). В то же время смысловую нагрузку может иметь противопоставление общепринятого, стилистически нейтрального варианта *Россия* и просторечного варианта *Росея*, обладающего, как правило, негативной коннотацией. Такая оппозиция позволяет, например, Е. Евтушенко в очень емкой художественной форме отразить разные грани образа родной страны и, следовательно, умонастроения, быт и культуру различных социальных групп. Обратимся к фрагменту поэтического текста: *Лик России – / не Росеи / не сотрите! / Он умрет! / Не сотрите, / дурни-люди, / будущие времена!* («Две снежинки»).

Важнейшим фактором усиления образности текста является контекстуальное сближение онима и апеллиатива на основе их сходства по признаку рода, что отражает одну из ярких особенностей грамматического строя русского языка. Например, топоним *Россия* (*Русь*, *Росея*) чаще всего получает образное осмысление благодаря использованию апеллиативов женского рода *мать*, *сестра*, *кормилица*, *старушка*, *невеста*, *жена*, *птица*, *лира*, *книга*, *колыбель*, *пристань*, *река*, *могила*, *речь*, *тишина*, *надежда*. При персонификации наиболее часто используется апеллиатив женского рода *мать*, например: *Мать Россия! Тебе мои песни, – / О немая, суровая мать! – / Здесь и глуше мне дай, и безвестней / Непутевую жизнь отрыдать.* (А. Белый. «Из окна вагона»); *Ой вы, дороги верстовые / И деревеньки по холмам! / Не ты ли это, мать Россия, / Глядишь вослед своим сынам?* (С. Орлов. «Осень»). Гораздо реже образная составляющая текста создается за счет употребления существительных мужского и среднего рода, таких, как *дом*, *парус*, *меч*, *молот*, *путь*, *свет*, *прах*, *хмель*, *страх*, *Сфинкс*, *солнце*, *поле*, *древо*, *счастье*.

Чтобы ярче представить особенности функционирования топонимов как элементов языка русских поэтических произведений, обратимся к сопоставлению материала двух языков – русского и татарского. Анализ топонимов, используемых в татарских поэтических текстах, свидетельствует о том, что в них наиболее высокой частотностью облада-

ют гидроним *Идел* и астионим *Казань*, которые несут основную смысловую нагрузку при воплощении темы родины, родного края, например: *Кая гына китеп, / Кайларга бармадым, / Сагынып каттым Иделем таңнарын.* (Г. Зайнашева. «Туган жирем Татарстан»); *Озатып калырсың безне, Казан, / Баласын очырган кош сыман.* (Х. Туфан. «Казан кичләре»). Интересно отметить, что коннотативные приращения смысла при функционировании названных топонимов в большинстве случаев связаны не с персонификацией (сравните в русских текстах: *мать Россия, кормилица Русь, Москва-красавица* и т.д.), а с образным их восприятием благодаря сочетанию с лексемой *йорт* 'дом': *Килер ул көн, Телем көне – / Идел-йорт тантанасы.* (К. Латып. «Туган тел»); ... *Китәр идем казагыма – / Йортым-Казаным кала.* (Н. Арсланов. «Ике оям»).

В грамматическом плане обращает на себя внимание тот факт, что и русские, и татарские топонимы, имеющие в языке форму единственного числа, могут использоваться и во множественном числе. Проведенные наблюдения показывают, что в произведениях как русских, так и татарских поэтов плюральную форму могут иметь топонимы, являющиеся названиями: а) городов (*Их величеством поразвлечься / прет народ от Коломн и Клязьм.* [А. Вознесенский. «Лобная баллада»]; *Мин беләм Рим, Парижлар данын... / Күңелем аларны / Берсенә генә дә / Алыштырмас сине, / И минем Казаным!* [А. Давыдов. «Казаным»]), б) водоемов (*Были в ЛИЦАХ даль и высь, / а в глазах, урюмо-вольных, / словно в малых тайных Волгах, / струги Стенькины неслись.* [Е. Евтушенко. «Казнь Стеньки Разина»]; *Иделәр, Камалар иленә / Кайт инде, кайт инде! – дисеннәр.* [Х. Туфан. «Туган яфрак»]), в) городских строений, учреждений (*Он тот, кто спрашивает с парты, / Кто наголову бьет, / Кто в каменном гробу Бастилий – / Как дерево в своей красе.* [М. Цветаева. «Поэт»]; *Чакырылмаган кунак булып кәргән / Зимнийларга, Перекопларга; / Чакырылмаган кунак булып кәргән / Паулюс качып яткан йортларга...* [Зульфат. «Жилдерее ул дала атларында...»]), г) гор, холмов (*Слышу ваш топот чугунный / По еще не открытым Памирам.* [В. Брюсов. «Грядущие гунны»]; *Ә биектә / Уралларны ыргып / Һаман да шул Казан ягына, / Балкыш яктысында алуланып, / Борынгы бер болыт агыла...* [Зульфат. «Балкыш хәбәре»]). Смысловые сдвиги в значениях онимов могут быть различными. Так, если рассматривать первые

два примера, то под Коломнами и Клязьмами А. Вознесенский имеет в виду небольшие города, находящиеся недалеко от Москвы; топонимы, которые используются в татарском тексте, указывают на названия наиболее известных столичных городов Западной Европы. Употребление собственных имен в обоих случаях придает пространственным детерминантам необходимую для художественного текста конкретность, расширяя его образно-ассоциативное пространство, и способствует выражению авторского замысла.

Говоря о своеобразии функционирования татарских онимов, следует отметить их использование с аффиксом принадлежности *-ым (-ем)*, который выступает не только средством отражения соответствующей морфологической категории, но и передает эмоционально-приподнятое состояние души лирического героя, его любовь к родному краю: *Иделем, гел сиңа ашкынам, / Суыңда коенган талларга.* (М. Хусаин. «Ашкыну»); *Син туган ягымның / Йөрәге икәнсең, / Казаным, Казаным!* (И. Юзеев. «Каршы ал, туган калам!»);

Подводя итоги анализа, следует сказать, что различия, касающиеся использования онимов в русских и татарских поэтических произведениях, определяются системно-структурными свойствами двух языков (например, наличием / отсутствием морфологических категорий рода, принадлежности), своеобразием культурно-исторического развития носителей данных языков, определенными традициями словоупотребления в поэтической речи. Результаты проведенного исследования подтверждают также высокую степень перспективности рассмотрения данных языковых единиц в контексте сопоставительного изучения их эстетических ресурсов.

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
2. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
3. Энгельгардт Б.М. Формальный метод в истории литературы. Л.: Academia, 1927. 118 с.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376 с.
5. Хайрутдинова Г.А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01: защищена 25.12.09: утв. 17.12.10. Казань: Казанский госуниверситет, 2009. 356 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

**THE PROBLEM OF FUNCTIONING OF PROPER NAMES
IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF AESTHETIC RESOURCES OF LANGUAGE UNITS**

G.A. Khairutdinova

In the framework of our study of aesthetic resources of language units, we examine the aesthetic potential of proper names used in literary speech. The results of the comparative study of Russian and Tatar place names functioning in poetic works are presented.

Keywords: aesthetic resources of language units, proper names, place names.